ТРИ «ВОЛНЫ» МОРАЛЬНЫХ ПАНИК В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Ефанов Александр Александрович
кандидат социологических наук, доцент департамента медиа
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье проводится обоснование существования трех «волн» моральных паник в отношении детей и молодежи в современном российском обществе. Делаются выводы о мотивированности инспирирования моральных паник и выгодоприобретателях. Определяются моральные паники второго порядка.

Ключевые слова: моральные паники, медиа, дети, молодежь, волна.

В условиях ускорения глобализационных процессов, совершенствования информационных технологий и расширения возможностей средств массовых коммуникаций в обществе происходят масштабные изменения, проявляющиеся в разрушении культурных и национальных границ и формировании так называемой «глобальной деревни» (Г.М. Маклюэн). Важную роль в этом процессе играют СМИ, которые, удовлетворяя потребности массовой аудитории, ограничивают возможности индивидов в самостоятельном отборе, проверке и осмыслении фактов и тем самым универсализируют их восприятие мира. Современное общество развивается в условиях медиареальности, в которой средства массовых коммуникаций получили возможность конструировать социальные проблемы и программировать реакцию общества на них.

Другим следствием социальных трансформаций является размывание ценностно-нормативных границ морали, усугубление ситуации духовного кризиса и переход общества в аномичное состояние «после добродетели» (А. Макинтайр). В результате все чаще в центре общественного внимания оказываются проблемы, квалифицируемые как серьезные угрозы существующей системе духовных норм и ценностей и в перспективе способные привести к разрушению общества. Журналисты, государственные служащие, общественные деятели и другие уполномоченные лица по различным причинам заинтересованы в драматизации этих проблем и поддержании публичного интереса к ним. В итоге результатом кампаний, проводимых СМИ для освещения этих вопросов, часто являются случаи чрезмерно эмоциональной реакции общества на них, называемые моральными паниками.

Анализ социальной действительности трех последних десятилетий показывает, что концентрация основных моральных паник происходит вокруг социально уязвимых групп: молодежи и детей. При этом молодежь и дети могут выступать в дифференцированных ролях – как в качестве субъекта, так и объекта моральной паники.

Предметом рассмотрения настоящего исследования является социологическое обоснование конструирования «волн» моральных паник в отношении детей и молодежи. Используются статистические данные, а также вторичный анализ результатов социологических исследований: как изысканий других ученых, так и собственных авторских разработок. Посредством историко-социологического анализа конкретизируются причины и социальные прецеденты, обуславливающие возникновение «волн» моральных паник.

Для определения такого социологического феномена, как «волна», необходимо обратиться к достижениям технических наук, в рамках которых данное явление было предметно изучено. «Большая политехническая энциклопедия» трактует волны как «возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию» [2, с. 210]. Подобная дефиниция может быть применима и к социологическому обоснованию волн, поскольку под возмущением понимаются аффективные реакции общества на социальный прецедент, а под энергией – те социальные изменения, которые серия инспирируемых моральных паник способна вызвать [6].

Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда с позиций контекстуального конструкционизма формируют процессуальную модель развития моральной паники, которая протекает в течение ряда этапов:

1) проявление озабоченности поведением определенной группы;
2) нарастание враждебности к этой группе;
3) распространение мнения, что поведение группы составляет общественную угрозу;
4) преувеличение числа девиантов, распространение панических настроений;
5) неустойчивость конструкта [24].

Ученые концептуализируют тезис о наличии «жизненного цикла» моральных паник. По их мнению, моральные паники не просто приходят и уходят бесследно. Даже те из них, которые, казалось бы, завершаются без видимых последствий, часто оставляют неформальные следы, которые готовят социум к последующим сериям явлений.

Так, в новейшей истории России можно выделить три «волны» моральных паник в отношении детей и молодежи (Таблица 1).

Таблица 1

«Волны» моральных паник в отношении детей и молодежи

Период	Причины возникновения	Социальные прецеденты
1990-е гг.	государственное и общественное переустройство; экономический кризис	молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников
2008-2010 гг.	экономический кризис	педофилия; спайсофобия
2016 г.-н.в.	обострение отношений на международной политической арене; экономический кризис	популяризация «групп смерти»; «пост-керченская истерия»

Первая «волна» моральных паник приходилась на 1990-е годы, когда новое российское общество пребывало в стадии своего самоопределения. Государственное и общественное переустройство, а также экономический кризис обуславливали разрушение существующих социальных границ, в результате чего в особой «зоне риска» оказалось молодое поколение. Таким образом, концентрация моральных паник происходила «вокруг социально уязвимых групп: молодежи и детей. При этом молодежь и дети в различных контекстах представляют собой либо «жертву», либо «нарушителя» [7, с. 67].

Как замечает М.Х. Хаджаров, рост преступности и криминализация общества в 1990-е годы способствовали деформации нравственных ценностей, что «привело к размыванию ценностно-мировоззренческих представлений о правильном образе жизни. Свобода как нравственная категория была понята как вседозволенность. На этих ложных представлениях сформировалась целая прослойка молодежи, которая не признает общечеловеческих ценностей, моральных принципов и правовых норм» [21, с. 78]. В этой связи состояние молодежи формирует потенциальную угрозу для общества. Молодое поколение воспринимается как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе, а потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущей «основы» общества.

Особую опасность в данном контексте представляют социальные движения экспрессивного характера, приобретающие быструю популярность в молодежной среде. Социологи сходятся во мнении, что появление любой новой группировки для россиян – это «слом культурного базиса народа, серьезный социальный недуг, равный по степени влияния алкоголизма или наркомании» [19, с. 104]. Нередко опасения общества в

отношении действий того или иного молодежного сообщества приобретают масштабы моральной паники, в результате чего на его участников «наклеивается ярлык» девиантов.

Рассматривая моральные паники как механизм развития молодежных сообществ, Д.В. Громов отмечает, что они «не только пугают общество «народными бесами», но и создают им рекламу, обеспечивая приток в разрекламированные сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного образца, которому затем следуют неофиты» [5, с. 164-165]. Ученый выдвигает этапы появления и дальнейшего укрупнения молодежной группы:

1) возникновение группы;

2) детальное описание СМИ особенностей этого сообщества;

3) нарастание общественных фобий, сопровождаемое появлением моральной паники, характеризуемой чрезмерной акцентуацией внимания к мифологизированному образу группы;

4) формирование «обратной реакции», при которой молодежь начинает активно вливаться в ряды сообщества, заимствуя образцы поведения, представленные в СМИ.

Подобная модель была присуща молодежным сообществам «новой» России (увеличение численности скинхедов, популяризация субкультуры готов). К примеру, медиа-тиражирование информации о «молодежи со свастикой» привело к всплескам уличной антифашистской активности.

Кроме того, в начале 1990-х годов в России стало набирать популярность рейв-движение с музыкальным направлением «хаус». Протест СМИ против андеграунда как олицетворения западной культуры принес новому жанру еще большую востребованность, «в результате моральная паника стала традиционным способом увеличения объемов продаж молодежной музыки» [14, с. 126], чему нередко благоволят и, собственно, сами представители молодежной индустрии.

И.С. Кон, в свою очередь, считает, что одной из причин появления моральной паники в отношении молодежи стало освобождение сексуальной культуры. Причем ее первая «волна» 1920-х годов привела к ужесточению цензуры и репрессивным мерам к искусству того времени; вторая «волна» постперестроечного периода – повлекла возникновение антисексуальных лозунгов с призывами блокировать сексуальное образование, что воспринималось учеными как «геноцид российской молодежи, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [13, с. 45].

Не менее острой в 1990-е годы стала моральная паника в отношении гомосексуализма. Обильное проникновение с экранов телевизоров в сознание вчерашнего советского народа явления гомосексуализма диссонировало с представлениями о «нормативном» проявлении чувств и сексуальных предпочтений. Общество опасалось, что молодое поколение может заимствовать подобные модели поведения. Однако уже в 2000-е годы россияне стали уделять этой проблеме меньше внимания, увидев, что в обыденной жизни в своем окружении можно редко встретить представителей сексуальных меньшинств. Об этом свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым «92 % граждан России полагают, что никогда не встречались с проявлениями «пропаганды гомосексуализма». И лишь 6 % сталкивались с таковой, как они утверждают, в основном, в телеэфире» [23].

Первая «волна» моральных паник 1990-х годов также связана с конструированием повышенной опасности в отношении детей. Изучая освещение средствами массовой коммуникации проблемы защиты прав детей-сирот, П.И. Городецкая замечает, что данный вопрос не занимал лидирующих позиций на публичной арене, а первичное осознание масштабности проблемы – количества воспитанников детских домов – началось лишь в середине 1990-х годов. При этом особое внимание вызывали убийства российских детей в американских приемных семьях, когда общество забило тревогу, после чего жесткие заявления последовали и со стороны первых лиц страны. Однако западная пресса расценила «действия властей Российской Федерации как попытку поднять волну общественной истерии» [4, с. 83].

С.Н. Майорова-Щеглова, напротив, развенчивает моральную панику в отношении детства, связанную с современными информационными технологиями, когда «дети Интернета совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей» [15, с. 254]. По результатам опроса, подтвердив их данными Фонда «Общественное Мнение», С.Н. Майорова-Щеглова заключает, что наряду с высокой степенью компьютерной грамотности и использованием IT-технологий как в образовательной, так и в досуговой деятельности, современное «медиа-поколение» не становится менее социализированным: общается со сверстниками в реальной жизни и не уходит в виртуальное пространство, а информацию о насилии и сексе получает с экранов телевизоров. Инициатором возникновения подобной моральной паники становится старшее поколение, поскольку «культура взрослого большинства» склонна подчеркивать «девиантность» особенности «молодежной культуры», конструируя как «отклоняющуюся» для акцентуации ее субординированной позиции в обществе» [18, с. 55].

Однако одним из самых резонансных явлений первой «волны» стала моральная паника по поводу наркотизма, которая зародилась в результате активного медиа-тиражирования информации о нападении наркоманов на пенсионеров, ставшей своеобразным «катализатором». Впоследствии взрослое население начало серьезно опасаться, что их дети могут стать наркозависимыми (после распространения через СМИ сообщений о действующих в разных регионах России группировках, насильно пристращающих подростков к наркотикам). П.А. Мейлахс проводит исследование наркотизма, где в ходе опроса выясняет, что дети осведомлены о ситуации с употреблением наркотиков значительно лучше, чем их родители. Это актуализирует мысль о том, что «реальное знание наркотической ситуации школьниками делает их менее подверженными моральной панике и апокалиптическим настроениям, распространяемым СМИ» [16, с. 108]. Угасание данной моральной паники наметилось на фоне высокой инфляции начала 2000-х годов (произошла смена медиа-повестки). Изучая данный прецедент, П.А. Мейлахс приходит к выводу о существовании изначально заложенного – диалектического механизма угасания любой моральной паники. При этом все явления 1990-х годов, участвующие в «моральной битве» того периода, также самонейтрализовались.

А.В. Семенова и М.В. Корсунская заявляют о накоплении памяти о прошлых моральных паниках, поскольку «воздействие предыдущей моральной паники от сходной социальной проблемы усиливает восприятие каждой последующей, если что-то напоминает аудитории источник прошлой угрозы, реакция на «врага» формируется мгновенно» [20, с. 46]. Так, некоторые явления двадцати-, пятнадцатилетней давности стали основой для возникновения новообразований, конструируемых по аналогичной либо сходной модели. В этой связи следует говорить о моральных паниках второго порядка, «культивируемых на социальной почве, заранее подготовленной предшествующей волной явлений» [8, с. 1805].

Вторая «волна» моральных паник приходилась на 2008-2010 годы, когда в результате экономического кризиса в стране резко упал уровень жизни населения. В этот период общество было взволновано прецедентами педофилии. В СМИ периодически появлялись новости об учителях-педофилах и маньяках, орудующих по городу и насилующих малолетних детей. В основе данной моральной паники лежала усложненная модель конструирования явления в отношении гомосексуализма, поскольку выбирался новый объект – дети и угроза их растления, – что потенциально вызывало аффективную реакцию в социуме. При этом, согласно данным статистики Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, в стране наблюдалось сокращение количества преступлений против половой неприкосновенности детей (2009 г. – 4746; 2013 г. – 1324) [17]. Таким образом, моральная паника в отношении педофилии возникала на основании

обратной корреляции – непропорциональности статистических данных и медиа-интереса к явлению.

В отношении другого явления 1990-х годов можно заметить, что моральная паника, связанная с наркотизмом, спустя десятилетие трансформировалась в спайсофобию. В «зоне риска» там оказывалось молодое поколение. Несмотря на то, что официальные данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствовали о постепенном снижении уровня заболеваемости наркоманией (2009 г. – 25,2 тыс. чел.; 2013 г. – 18,1 тыс. чел.) [12], медиа пытались нагнетать обстановку, сконцентрировав внимание на новой разновидности наркотиков.

Третья «волна» моральных паник возникла на фоне экономической неустойчивости и напряженности на международной политической арене, когда в результате Российско-украинского кризиса наблюдалось падение общего уровня социальной стабильности. В рамках третьей «волны» наблюдалась моральная паника в отношении распространения «групп смерти» в Интернете. Так, в январе 2017 года стала вызывать панические реакции информация о деструктивном воздействии на подростков сообществ «f57», «Тихий дом», «Синий кит» и др. в социальной сети «ВКонтакте». Согласно легенде, участники вступают в закрытое сообщество (администратор проводит модерацию и добавляет только несовершеннолетних), а затем выполняют ряд заданий, представленных как обретение свободы (каждый «шаг» необходимо сопровождать фотоотчетом). Последним пунктом этой «игры» якобы становится совершение суицида.

Явление в отношении распространения «групп смерти» в социальных сетях представляет собой моральную панику второго порядка. Она конструировалась по аналогичной модели с моральной паникой 1990-х годов, связанной с виртуализацией жизни школьников (просвещением в вопросах секса и пропагандой насилия посредством информационно-коммуникационных технологий). Основное отличие данной моральной паники заключается в высшей степени демонизации виртуальной сети, представленной как деструктивная сила, истребляющая молодое поколение. Несмотря на отсутствие статистических данных о резком увеличении суицидальных случаев среди подростков в результате распространения «групп смерти» в социальных сетях (согласно официальной информации МВД РФ, основными причинами самоубийств по-прежнему оставались неразделенная любовь, проблемы с учебой, родителями и сверстниками), широкое обсуждение данной темы и оперирование технологией эмотивно-морализаторского дискурса (в том числе со стороны первых лиц государства, в частности, Президента В. Путина, заявившего о необходимости ужесточения карательных мер для так называемых «дистанционных убийств») смогло спровоцировать аффективные реакции в обществе [11]. «Жизненный цикл» моральной паники составил четыре месяца. Ее рецессия произошла в результате падения медиа-интереса к явлению (ввиду отсутствия фактов о реальных жертвах «групп смерти»).

Дальнейшее развитие третья «волна» получила в 2018 году после трагедии в Керчи. Как стало известно, студент 4 курса местного колледжа устроил в здании учебного заведения взрыв, затем расстрелял 79 человек (19 из них скончались, 60 – получили множество ранений), а позднее совершил суицид. Информацию комментировали специалисты (педагоги, психологи, правоохранители), а также первые лица страны (В. Путин). Особый резонанс данный инцидент вызвал в социальных сетях, пользователи которых начали активно комментировать произошедшее, оперируя риторикой бедствия [10].

Данное явление имеет ряд сходств с событиями на Западе в 1990-е годы, когда Америку повергли в шок чудовищные преступления тинэйджеров, якобы больных игроманией, что стало началом для возникновения моральной паники в отношении компьютерных видеоигр. Общественные активисты утверждали, что подобные увлечения подростков провоцируют жестокость, бесконтрольную агрессию и вызывают сильнейшее привыкание. Стрельба в американских средних учебных заведениях, особенно

трагические события в колумбийской школе в 1999 году, породили моральную панику, сопровождавшуюся выступлениями первых лиц государства, в том числе президента Б. Клинтона, и обернувшуюся не только аффективной реакцией со стороны родителей, боявшихся за судьбу своих детей, но и большими экономическими последствиями. После этого в учебные заведения стали массово закупать камеры видеонаблюдения и приобретать специальные фотобейджи для каждого школьника. Однако впоследствии оказалось, что связь между компьютерными играми и необузданной агрессией школьников минимальна, преступлений среди взрослых ничуть не меньше, чем среди подростков, а, согласно официальной статистике, «людей, к примеру, пораженных ударом молнии, в три раза больше, чем убитых в школе» [25, с. 192].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о существовании трех «волн» моральных паник в отношении детей и молодежи:

1) 1990-е годы (молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников);

2) 2008-2010 годы (педофилия; спайсофобия);

3) 2016 год – настоящее время (популяризация «групп смерти»; «пост-керченская истерия»).

Возникновение «волн» связано с фруструационными явлениями: государственным и общественным переустройством; экономическим кризисом; обострением отношений на международной политической арене [9]. Мотивированность инспирирования моральных паник можно объяснить с позиций отвлечения внимания от реальных проблем (таких как высокая инфляция, низкий уровень жизни, безработица и проч.) в сторону виртуальных конструктов тривиальной природы. Выгодоприобретателями в результате конструирования моральных паник выступают представители политической элиты, а роль посредников выполняют медиаконтролеры. Если говорить о новообразованиях второй и третьей «волн», они преимущественно являются моральными паниками второго порядка, поскольку конструируются по аналогичной либо сходной модели предшествующей серии явлений.

Список использованной литературы:

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь: Пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 620 с.

2. Большая политехническая энциклопедия. М.: Мир и образование, 2011. 704 с.

3. Главные страхи россиян: война и экономика // ВЦИОМ, 2016. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115584 (дата обращения: 6.01.2017).

4. Городецкая П.И. Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Самара, 2008. 128 с.

5. Громов Д.В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 164-178.

6. Ефанов А.А. «Волны» моральных паник в российском обществе 1990-2010-х годов: историко-социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 1. С. 4-9.

7. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2016. 179 с.

8. Ефанов А.А. Парадигмы развития современных моральных паник // В мире научных открытий. 2014. № 3.4 (51). С. 1803-1816.

9. Ефанов А.А. Социальные последствия медиавоздействия: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 272 с.

10. Ефанов А.А. Трагедия в Керчи как попытка локализации моральной паники в контексте глобализации // Научные труды КубГТУ. 2019. № 4. С. 266-271.

11. Ефанов А.А. Трансформация моральных паник в условиях модернизации информационного общества // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 2. С. 66-75.

12. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, наркоманией и токсикоманией // Федеральная служба государственной статистики, 2014. URL: gks.ru/bgd/regl/b14_44/IssWWW.exe/Stg/10-07.doc (дата обращения: 14.03.2016).

13. Кон И.С. Сексуальные ценности и сексуальное поведение на фоне исторических перемен // Тезисы докладов на научной конференции «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России». М.: Центр демографии и экологии человека ИНП РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 45-46.

14. Лисеев Р.П. Молодежный журнал как субкультурный феномен: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. СПб., 2005. 188 с.

15. Майорова-Щеглова С.Н. Новые информационные технологии и молодое поколение: нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций. Сб. статей. Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2009. С. 254-259.

16. Мейлахс П.А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. СПб., 2007. 195 с.

17. Преступность в отношении детей // Официальные данные Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, 2014. URL: http://riss.ru/demography/demography-science-journal/6363/#_ftnref2 (дата обращения: 14.03.2016).

18. Райхштат А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Казань, 2006. 170 с.

19. Рюмин А.М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Нижний Новгород, 2012. 148 с.

20. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

21. Хаджаров М.Х. Социология безопасности: Россия в эпоху смены мировых порядков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 74-80.

22. Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 236 с.

23. 92 % россиян не встречались с «гомопропагандой», но 86 % хотят ее запрета // Омнибус ВЦИОМ, 2012. URL: http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=112745 (дата обращения: 9.04.2014).

24. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.

25. Killingbeck D. The role of television news in the construction of school violence as «a moral panic» // Journal of criminal Justice and Popular Culture, 2001. № 8 (3). P. 186-202.